

Русское литературоведение глазами французской традиции

28 ноября 2008

Уфа, Музей современного искусства РБ
им. Н. Латфуллина

Б. В. Орехов (к.ф.н., ст. препод. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Е. А. Слободян** (к.ф.н., ст. преп. каф. русского языка БГПУ им. М. Акмуллы), **М. С. Рыбина** (асс. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Р. Р. Вахитов** (к.филос.н., доц. каф. истории философии и науки БашГУ), **А. А. Галлямов** (к.ф.н., доц. каф. русской филологии БашГУ), **С. С. Шаулов** (к.ф.н., ст. преп. каф. русской литературы и фольклора БашГУ), **С. М. Шаулов** (к.ф.н., доц. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. Акмуллы)

М. С. Рыбина: Я ничего нового не скажу, скорее всего. Поэтому если захочется что-то прокомментировать или спросить, то я очень прошу это сделать. В режиме диалога будет интереснее, чем в режиме монолога. История русского формализма на Западе началась с 1950-х годов*, в 1950 году была переведена монография В. Я. Проппа «Морфология сказки» (на английский язык, первый французский перевод опубликован в 1970)¹.

А. А. Галлямов: А Пражский лингвистический кружок?

Р. Р. Вахитов: Я тоже подумал про Трубецкого и Якобсона.

* «Она <формальная школа. — М. Р.> стала известна и в полной мере оценена в Западной Европе и Соединённых Штатах лишь после выхода двух фундаментальных трудов: «Русский формализм» В. Эрлиха (1955) и «Теория литературы» (1965)».

«elle <l'École formaliste. — М. Р.> n'a été pleinement connue et appréciée en Europe occidentale et aux États-Unis qu'à partir de deux publications fondamentales, *Russian Formalism* de Victor Erlich (Mouton, 1955), et *Théorie de la littérature* (Seuil, 1965)».

Tadié J. Y. La Critique littéraire au XXe siècle, Belfond, 1987 (Les Formalistes russes) — p.17.

¹ *Propp V. Morphologie du conte*. — Paris: Seuil, 1970. Данные о переводах В. Проппа, Р. Якобсона и М. Бахтина на фр. язык приводятся в антологии Э. Раву-Ралло: *Ravoux Rallo E. Méthodes de critique littéraire*. — Paris, 1993 (Le Formalisme) — P. 125–127.

М. С. Рыбина: Связь, в том числе, и генетическая, французского структурализма с Пражским лингвистическим кружком и, прежде всего, с работами Р. Якобсона сомнений, как будто, не вызывает, но рассматривается автономно, как самостоятельное явление, так, например, Тадье только называет работы Трубецкого, но не комментирует¹. Т.е., когда я говорю об открытии русского формализма, я имею в виду то, что французы понимают под русским формализмом применительно к теории литературы. Естественно, Якобсон оказался самым интегрированным в западное литературоведение. О нём говорится, что исторически его корни (как у волшебной сказки) в русском формализме, но упоминается и цитируется он как «наш», т.е. «западный»*.

Р. Р. Вахитов: А Трубецкой как воспринимается? Вот Серио довольно много пишет о Трубецком.

М. С. Рыбина: Опять-таки, имеется в виду тот формализм, который не эмигрировал. Речь идёт о работах 20-х годов — 1925, 1926, 1928-го годов, которые переводятся в 1965 году Цветаном Тодоровом. Итак, ключевой текст, познакомивший французского читателя с новой школой — «Теория литературы, тексты русских формалистов» (1965)². Первый вопрос, который у меня возник, почему они всё же относят открытие формализма именно к 1950-м годам, хотя в той же монографии Тадье упоминается статья Б. Томашевского в *Revue d'études slaves* (1928)³. Однако для Франции эта позиция принципиальная, и дальше будет понятно, почему. Положения русского формализма французские исследователи связывают со структуралистским направлением, которое представляли К. Леви-Стросс, Р. Якобсон, Ж. Женетт. Антология, составленная Цветаном Тодоровым надолго определила те координаты, в которых русский формализм и воспринимается во Франции. По словам Тодорова, общая концеп-

* Примечательно начало очерка о Р. Якобсоне в упоминавшейся уже монографии Тадье: «Труды Якобсона предлагают лучший синтез/сплав работ формалистов. Обширность эрудиции, множество дисциплин, которые он знал и которыми занимался, стремление к синтезу характеризуют этого мыслителя, чья полная скитаний жизнь (из России в Прагу, из Праги в Швецию, из Швеции в США), с одной стороны, стала отражением судьбы интеллектуала-изгнанника в XX веке, а с другой свидетельствует о распространении знания» *Tadié J. Y. Op. cit.* Космополитизм — симптоматичное явление для французской интеллектуальной культуры, учитывая её тяготение к «универсальной» позиции, очень близкое.

¹ *Tadié J. Y. La Critique littéraire au XXe siècle*, Belfond, 1987 (Les Formalistes russes). — P. 17, 34.

² *Théorie de la littérature, textes des formalistes russes*/ed. Tz. Todorov. — Paris: Seuil, 1965.

³ *Tomachevski B. La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie // Revue d'études slaves*, 1928. Цит. по *Tadié J. Y. La Critique littéraire au XXe siècle*, Belfond, 1987. — P. 17.

ция книги и отбор текстов осуществлялись совместно с Ж. Женеттом¹. И там есть, где-то в деталях, а где-то в существенном, ряд смещений. Во-первых, выстраивается очень чёткая композиция: открывает антологию статья Эйхенбаума «О формальном методе», а завершает фрагмент из «Теории литературы» Б. Томашевского, получивший в переводе название “Thématique”; основной корпус статей разделён на два блока: анализ литературных текстов и исследование самого феномена «литературности литературы» (*littéralité de la littérature*). В чём также можно отметить созвучие идеям Р. О. Якобсона, активно обсуждавшимся во французской стилистике 60-х годов XX века². Любопытно отметить классическую симметрию во французской рецепции: если Томашевский и Шкловский названы предшественниками современной нарратологии³, то *rendant* в теории стиха составляют работы Ю. Тынянова*. Несмотря на декларируемую симметричность, в освоении отечественных исследований по теории стиха (как русского формализма, так и более поздних) наблюдается определённая диспропорция: стиховедческие работы практически не переведены. Наиболее переведённый автор — Ю. М. Лотман (более его 26 работ), но ни одна его работа по стиховедению не переведена. Единственное исключение — это статья о проблемах поэтического перевода.

С. М. Шаулов: Но это не совсем по стиховедению.

М. С. Рыбина: О чём и речь.

А. А. Галлямов: Насчёт неинтегрированности. Можно ли говорить об определённой герметичности французской культуры и французского литературоведения в частности? То есть изолированности.

М. С. Рыбина: Я бы так не сказала. Это касается не герметичности, а избирательности.

А. А. Галлямов: Хорошо, а если заменим «герметичность» на «самодостаточность»?

* Эта парность сознательно конструируется в тексте : «Его <Ю. Тынянова — М.Р.> исследование «Проблема стихотворного языка» (1924), во французском переводе “*Le Vers lui-même*” (1977) составит для нас парный предмет к анализу прозы Шкловского».

“C’est son essai, «Problème de la langue du vers» (1924; traduction française, *Le Vers lui-même*, coll.10/18, UGE, 1977) qui nous retiendra, en pendant à l’analyse de la prose par Chklovski”. *Tadié J. Y. Op.cit.* — P. 30.

¹Тодоров Ц. “Без ангелов мы обойтись можем, а вот без других людей — нет” / Беседа вел Г. К. Косиков // Вопросы литературы, 2006, январь-февраль (Вып. 1). — С. 64-65.

²Косиков Г. К. “Структура” и/или “текст” (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., составление и вступительная статья Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 2000. — С. 28.

³*Tadié J. Y. Op.cit.* — P. 21-30.

М. С. Рыбина: Тогда скорее идея «французской исключительности» срабатывает. Мне действительно было интересно, почему не переводятся стиховедческие работы. Потом я уже задалась целью выяснить, какие стиховедческие работы вообще переведены. Например, монография М. Л. Гаспарова¹ переведена на английский язык, на французский — нет. Она продаётся на французских сайтах как иностранная литература*.

А. А. Галлямов: Может быть, для французца вполне нормальным является владение английским языком?

М. С. Рыбина: Нет, не является нормальным. Французские слависты, конечно, читают по-русски. Они цитируют стиховедческие работы, упоминая их названия, но не переводят, а транслитерируют их**. Это определённое *compte il faut* во французском литературоведении.

С. С. Шаулов: Это тоже знаковый такой обычай.

М. С. Рыбина: Это во французской славистике. Но вне славистики цитируются только переведённые работы, касающиеся нарратологии (если говорить о Томашевском, Шкловском), структуры и теории коммуникации (Лотман). Я потом их назову, они не всегда совпадают с теми исследованиями, которые цитируются у нас. Эта разница мне показалась релевантной.

А. А. Галлямов: Они просто отбирают то, что близко им?

М. С. Рыбина: Да, и при этом близко им иное. Здесь речь идёт об определённом стереотипе восприятия: когда два человека называют одни и те же труды, это может объясняться их личными пристрастиями, взглядами, принципами, это осознанный выбор, но дальше формируется стандартный набор работ, которые «принято цитировать». И это уже будет показательно.

Р. Р. Вахитов: Национальная ментальность?

М. С. Рыбина: Мне кажется, в этой избирательности и проявляется национальная ментальность***. «О теории формального метода» — это вопросов не вызывает. Допустим, фрагмент из «Теории литературы» Томашевского пере-

* Наиболее часто цитируется «Проблема стихотворного языка» Тынянова (1924) (*Le Vers lui-même: Problème de la langue du vers*. — Paris: 10/18, UGE, 1977), но встречаются и публикации в европейских журналах, например Etkind E. *Baudelaire en langue russe* // *Europe*, avril-mai, 1967.

** Либо транслитерация дополняется переводом заглавия: Gasparov M.L. *Očerok istorii russkogo stiha* (*Essai d'histoire du vers russe*). — Moscou, 1984.

*** Представление об особом статусе Франции (и соответственно французского языка) в мировой интеллектуальной культуре, сохранявшееся на протяжении веков и переживающее кризис в настоящий момент, становится предметом дискуссий как во Франции, так и за её пределами. В отечественных изданиях эта

¹ *Gasparov M. L. A history of European versification*. Oxford: Clarendon Press. 1996. 334 p.

ведён во Франции внятно, но с некоторыми особенностями: только в одной или двух монографиях уточняется, что это *фрагмент* из «Теории литературы». А в целом, вслед за антологией Тодорова его обозначают как “*Thématique*” ‘тематика’, термин с широким спектром значений используется в различных сферах (философия, литературоведение, лингвистика, искусствоведение и др.). Термин “*thème*” подразумевает как иерархию, выделение «основной идеи», так и единство, связность содержания, поддерживаемую основными константами произведения (тема огня, смерти, воды и т.п., то, что мы бы скорее обозначили как мотив/мотивную структуру)¹, не говоря уже о вовсе специфическом значении ‘ученический перевод с родного языка на иностранный’. После описания формального метода следует терминологический аппарат, который они извлекли из «Теории литературы» Томашевского. Причём достаточно категорично утверждается, что Томашевский сформулировал следующие положения формального метода, а именно разделение фабулы и сюжета, определение что есть тема и что есть мотивы, в свою очередь подразделяемые на статические (сюжет) и динамические (фабула). Очевидно, что многое из перечисленного существовало и до Томашевского, кроме разделения фабулы и сюжета, пожалуй. Но теория мотива напрямую с Томашевским, насколько мне известно, не связывается.

А. А. Галлямов: Это у них?

М. С. Рыбина: Да, у них. Я говорю о том, какие смещения происходят. Здесь начинаются проблемы перевода. Вообще ситуация с отечественным литературоведением во Франции складывается достаточно локально. В основном, тексты русских формалистов и Бахтина были переведены Цветаном Тодоровом. Они появлялись либо в журнале «Поэтика» (Тодоров, Женнет), либо в виде монографий в книжной серии, которую они осуществляли. Кстати, относительно недавно, в 2001 году, предпринято переиздание антологии 1965 года². Разумеется, речь не идёт

проблематика также освещалась, в частности в коллективном труде «Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре», в предисловии к которому С. Зенкин следующим образом определяет феномен «французской исключительности»: «Полагая себя, и не без оснований, интеллектуальным центром западной цивилизации, Франция поддерживала в своём сознании раздел между относительной, богатой своею множественностью «культурой» <....> и незыблемым, «здоровым» единством абстрактной мысли (философской, социальной, научно-теоретической, а также и литературной). Увлечённо ища во всём мире «местный колорит», она в самой себе видела «общечеловеческую норму»; свой культурный национализм она расценивала как универсализм разума». Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С.5. (курсив мой — М. Р.).

¹ Данные TLFi.

² Textes des formalistes russes réunis, présentés et traduits par Tzvetan Todorov. — Paris : Points/Essais, Seuil, 2001.

о том, что перевод Тодорова некорректен или подборка не отражает реальной проблематики формального метода, но частичные смещения акцентов привели к собственным кругам на воде, которые заметнее проявляются в уже цитированных обзорах Тадье и Раву Рало. В них возникает следующая картина: отечественные исследователи представлены либо в главе «Формализм» (В. Пропп, Р. Якобсон и М. Бахтин вместе с Ц. Тодоровым, Ж. Женеттом и Р. Бартом)¹, либо отдельная глава посвящена русскому формализму, но В. Пропп в паре с А.-Ж. Греймасом помещен в главу «Семиотика литературы»*, там же Ю. Кристева и Ю. Лотман, а М. Бахтин обнаруживается в главах «Социология литературы» и «Поэтика», в последней сразу после Ц. Тодорова и Ж. Женетта². «Теория формального метода» Эйхенбаума, терминологический аппарат, созданный Томашевским, далее теория прозы В. Шкловского, которая равна нарратологии³, потому что всё, что он пишет, он пишет о «нарраторе». Мне кажется, здесь возникает вопрос, связанный с переводом. Естественно, что рассказчик/повествователь будут переведены на французский язык как *narrateur*. Теоретически можно перевести словом *conteur*, но *conteur* предполагает ‘рассказчик’, ‘сказитель’, ‘сказочник’**. К *conteur* они обращаются крайне редко, потому что данная лексема предполагает совсем другие коннотации — с «устной» традицией, с фольклором (видимо, вступает в действие механизм, основанный на важной

* Эта сцепка представляется весьма показательной, поскольку концепция В. Проппа прочитывается через «нарративную модель» А.-Ж. Греймаса (а не наоборот). Последний, отталкиваясь от метода русского исследователя, «предложил универсальную модель, применимую, по его замыслу, к любому повествовательному тексту». Косиков Г. К. “Структура” и/или “текст” (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структуриализма к постструктуриализму. — М.: Прогресс, 2000. — С. 20. Именно построение «абстрактной матрицы», в которой не учитываются рецепция текста и культурный контекст, оценивается как «ограниченность» метода В. Проппа в антологии 90-х гг., хотя и подчёркивается его «методическая эффективность» в обучении анализу нарративных текстов, благодаря чему он широко используется в системе французских коллежей. *Ravoux Rallo E. Méthodes de critique littéraire.* — Paris, 1993. — P. 104–105.

** Il y a les **conteurs** et les écrivains. On conte ce qu'on veut: on n'écrit que soi-même.

Renard, *Journal*, 1899, p. 528. (TLFI) «Существуют рассказчики и писатели. рассказывать можно о чём угодно, а пишут только о себе».

¹ *Ravoux Rallo E. Méthodes de critique littéraire.* — Paris, 1993 (Le Formalisme — P. 101–127).

² Tadié J. Y. Op.cit. — P. 17–42, 168–170, 215–217, 226–229, 247–251

“On verra donc en Chklovski un précurseur de l'analyse contemporaine du récit, de la «narratologie»”.

³ Ibid. — P. 30. «Итак, мы увидим в Шкловском предшественника современного анализа повествования, “нарратологии»”.

для французской культуры оппозиции устной и письменной речи). Но и термин «сказ» дается во французских текстах в транслитерационном варианте “skaz”.

Я уже говорю не о самих работах, даже не о том, как они были переведены, а о том, как они потом излагаются в монографиях, названных, например, «Литературоведение XX века»¹ или «Методы литературного анализа»². К слову, замечательно определяется «теснота стихового ряда»: «конструкция, предполагающая взаимовлияние элементов»³.

Б. В. Орехов: В общем, определение системы, на самом деле.

Р. Р. Вахитов, С. С. Шаулов: Да.

А. А. Галлямов: А вот здесь это как раз может быть связано со структурно-типологическими особенностями языка. Французский — аналитический язык.

М. С. Рыбина: Нет, я настаиваю: можно было перевести «тесноту стихового ряда». Мне кажется, что выбор обусловлен, в данном случае, положениями структуральной школы: понятия «динамическая система» и «структура», последняя в цитате выделена курсивом, оказываются важнее «тесноты стихового ряда».

А. А. Галлямов: Народа в целом — нет.

М. С. Рыбина: Так переводил не народ. Я уже говорила, что очень ограниченный круг имел дело с этими текстами. Во французской рецепции формализма и шире русского литературоведения определяющую роль сыграли «славянские эмигранты» (Р. Якобсон, Ц. Тодоров, Ю. Кристева, В. Дмитриевич, в качестве издателя). Они воспринимались во Франции как бунтари, ниспровергатели надоевшего академизма, историко-биографического метода. Но в восприятии их идей, как мне представляется, проявилась любовь французозов к экзотике (интерес к «местному колориту» особенно «восточному») и бунту. Не сработало бы, если бы это была только интенция славянских эмигрантов. Но тогда бы и французский структурализм не стал бы национальным брендом, если бы он был элитарен, узко локален. Он вызвал резонанс. Интересный момент: наиболее тщательно переведён именно В. Пропп. Вот там сложно говорить о каких-либо смещениях. В «Методах литературоведческого анализа», где предпринимается попытка совместить принципы исторического обзора литературоведения с комментированной репрезентацией «ключевых» текстов, представлена следующая

¹ Tadié J. Y. La Critique littéraire au XXe siècle, Belfond, 1987.

² Ravoux Rallo E. Méthodes de critique littéraire. — Paris, 1993.

³ «Le vers est une “construction dans laquelle tous les éléments se trouvent en corrélation réciproque”».

Tadié J. Y. Op.cit. — P.31, и далее «Du fait de l’unité et de la cohésion de la série du vers <...> la structure même du lexique des vers est radicalement différente de la prose» «Из-за единства и связности стихового ряда <...> сама структура слова в стихе радикально отличается от поэмы» *Ibid.* — P. 32.

структура: историческая справка, фрагмент текста и собственный комментарий, включающий формулировку основных положений и критический разбор применяемых методов. В критике «Морфологии сказки» Э. Раву Ралло пишет, что схема Проппа демонстрирует разрыв между тем, что выражено в тексте эксплицитно, и последующей интерпретацией, но она нашла широкое применение во французской системе среднего образования¹. Она оказалась очень востребованной именно для педагогических целей, для обучения методике анализа: любой нарративный текст легко можно расписать, применяя 32 функции, чем успешно и занимаются во французских коллежах.

А. А. Галлямов: Может быть, оно и неплохо. Вот если бы у нас в школах было так же.

М. С. Рыбина: Я тоже подумала, что неплохо было бы, если бы у нас в школах эту методику применяли. А там, как я поняла, все коллежи преподают по модели Проппа-Греймаса не только сказку, но и всё остальное. «Дон Жуана» Мольера, например они разбирают, исходя из нарушенного равновесия, волшебных дарителей и так далее. Пропп на третьем месте по цитируемости, забегая вперёд скажу. Сейчас вновь усиливается интерес к его методу в связи с программированием. В частности, очень «раскручен» проект «создай свою собственную сказку с помощью компьютера». В антологиях (1965, 2005), о которой я начала говорить, представлена статья В. Проппа «Transformations des contes merveilleux», оригинального её названия я не знаю (в обратном переводе с французского: «Превращения волшебной сказки» или «трансформации»). Т.е. наряду с известными включены работы, которые не «на слуху». Причём многие «знаковые» у нас тексты на тот момент ещё не были переведены на французский². Так, статья Якобсона о реализме в искусстве (*Du réalisme en art*) в антологии (1965) присутствует. А «Вопросы поэтики», где собраны, в том числе, и ранние работы конца 10–20-х гг. опубликованы в 1973^{3*}. В основ-

* В предисловии к номеру журнала *Eurore* (№ 991, март 2005), целиком посвящённому русскому формализму, Леон Робель вспоминает о встрече В. Шкловского с Ф. Соллерсом, Ю. Кристевой и др. критиками *Tel Quel*: «На следующий день представители «Тель Кель» приходили группами, устраивались на полу, задавали вопросы, выходили, возвращались, делали замечания, в то время как Шкловский продолжал импровизировать свою ослепительную теоретическую поэму, которую я пытался уловить на лету и передать по-французски. Вдруг Шкловский стал совершенно красным и раздражённо выкрикнул: «Прежде чем со мной спорить следовало бы меня прочесть» <...> Заседание было закрыто».

«Le lendemain, les gens de *Tel Quel* arrivaient par paquets, s'asseyaient sur la moquette, posaient des questions, sortaient, rentraient, faisaient des objections,

¹ *Ravoux Rallo E.* Op.cit. — P. 104-105.

² Например, сборник статей В. Шкловского «О теории прозы» (1929) издан в *L'Âge d'homme* в 1973.

ном, переводы, о которых мы сегодня говорим, выходили в издательстве L'Âge d'homme. Там издавали Бахтина, Томашевского, Шкловского и Тынянова. Там же опубликованы многие работы Лотмана*.

С. С. Шаулов: А Бахтина они включают в эту традицию?

М. С. Рыбина: С Бахтиным очень интересная ситуация складывается во Франции. Бахтина включают в русский формализм, в структурализм и постструктурализм, в социологическую школу. Наконец, Бахтин включён в раздел, который французы очень любят, и который называется он предельно широко: «Поэтика».

С. С. Шаулов: Пожалуй, из всего списка только с «Поэтикой» и можно согласиться.

М. С. Рыбина: В этом списке «Поэтика» замещает раздел «Разное». Вот теперь о Бахтине. Если французский структурализм, в целом, «встраивался» в систему координат русского формализма, то для постструктуралистов (группа «Тель Кель» (Tel Quel) и прежде всего Ю. Кристева) подобным ориентиром становится Бахтин. Но возникает впечатление, что в переводе Тодорова Бахтин заговорил «языком» Ролана Барта***.

С. С. Шаулов: Это сложно представить, если честно.

М. С. Рыбина: Нет, Бахтин узнаваем, конечно. Но если говорить о переводческих принципах, то, осознанно или нет, проявляется желание приблизить Бахтина к французскому читателю (о том, кто этот гипотетический читатель, мы уже говорили). Например, когда русский читатель встречает у Бахтина «Другой», он может вспомнить о Сартре, если уж таковы его ассоциации, но может и не вспоминать, не обязан этого делать. Но, когда во французском переводе появляется L'Autrui (Тодоров действительно находит наиболее

tandis que Chklovski poursuivait son éblouissant poème théorique improvisé que j'attrapais au vol et renvoyais en français. Puis soudain Chklovski devint tout rouge et s'écria avec colère : «Avant de me discuter il faudrait peut-être m'avoir lu ! « <...>La séance fut levée». <http://www.europe-revue.info/2005/russesintro.htm>

* Издательский дом L'Âge d'homme основан в 1966 выходцем из Югославии В. Дмитриевичем. С кон. 60-х по 80-е годы XX века является одним из самых крупных издателей советской диссидентской литературы. Специализируется на публикации переводной славянской (серия *Classiques Slaves*) и научной литературы. http://www.lagedhomme.com/boutique/page_20.cfm?code_lg=lg_fr

*** Косиков Г. К.: «При всех очевидных различиях, М. М. Бахтина и Р. Барта объединяет целый ряд общих черт, в первую очередь аналогичный ход мысли, заключающийся в том, чтобы утвердить, обосновать и противопоставить миру социального отчуждения силы человеческой *свободы*». С. 8. Косиков Г. К. «Человек бунтующий» и «человек чувствительный» (М. М. Бахтин и Р. Барт) // Лики времени: Сб. статей. — М.: Юстициформ; Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. — С. 8—25.

адекватный эквивалент, если судить «терминологически»). Но, Autrui, ещё и с заглавной буквы, ассоциируется с Сартром. Тем более, в 60–70-е годы. Я заметила, что после этой цитаты из Бахтина всегда следует цитата из Сартра. Перевод, как мне кажется, устанавливает эту сцепку. В работах Бахтина выявляется и подчёркивается антипозитивизм (в том числе и критика формалистов) и интеллектуальный бунт против власти, официальной культуры и её стереотипов. У исследователей декларации следующие: Бахтин — самый интересный исследователь XX века, это человек, который определил лицо вообще всех гуманитарных исследований, не только и не столько филолог, сколько философ*. Самый цитируемый — это всё равно Якобсон, Бахтин ему уступает ненамного, причём дальнейший разрыв уже с Лотманом — уже на порядок.

С. С. Шаулов: То есть вы хотите сказать, что Бахтин там один из самых цитируемых.

М. С. Рыбина: Да, Бахтин, действительно, один из самых цитируемых.

Р. Р. Вахитов: Он как философ воспринимается.

М. С. Рыбина: Прежде всего как философ, а если говорится о Бахтине-филологе, то подчёркивается, что его метод «основывается на психологии и социологии»¹. Наименее цитируемая из всех переведённых работ Бахтина — это монография о Рабле². Нельзя говорить о Бахтине и не сказать об этой книге. Говорят. В качестве примера приводят статью, которая не вошла в диссертацию: «Рабле и Гоголь» в той части, которая касается Гоголя³.

А. А. Галлямов: Это к вопросу о Гаспарове тогда⁴.

* Хотя во Франции к этой характеристике добавляется ещё ряд положений: создатель теории высказывания, то ли «ученик», то ли «предшественник» Бенвениста, реформатор марксистской теории идеологий «quant au Bakhtine «français», «c'est l'initiateur de la théorie de l'énonciation, sorte d'élève de Benveniste avant l'heure, ou bien un rénovateur de la théorie marxiste des idéologies».

¹ «Michaël Bakhtine, tel que le présente Tzvetan Todorov dans son livre *M. B. Le principe dialogique* (Seuil, 1981) est «le plus important penseur soviétique dans le domaine des sciences humaines et le plus grand théoricien de la littérature au XX siècle». Théoricien du texte, mais s'appuyant sur la psychologie et surtout la sociologie...». *Ravoux Rallo E.* Op.cit. — P. 110.

² *Bakhtine M. L'Œuvre de François Rabelais et la culture populaire au Moyen Age et la Renaissance.* — Paris: Gallimard, 1970.

³ «В творчестве М. М. Бахтина нетрудно разглядеть один и тот же сквозной мотив — романтико-декадентский страх и протест индивида против принудительной власти внешнего мира». *Косиков Г. К.* От «внезаходимости» к «бунту» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. С. 16—17. *Tadié J. Y.* Op. cit. — P. 168—169.

⁴ Имеется в виду открывшая работу семинара в 2007 году дискуссия о выступлении М. Л. Гаспарова с критикой идеи Бахтина. См. Третье литературоведение

М. С. Рыбина: Ну вот, Гаспаров был прав. Не признают у себя французы карнавала в том виде, в каком его описал Бахтин¹. Работа Бахтина о Рабле приводится в библиографиях, в списках рекомендуемой литературы (на учебных сайтах, например), но с оговорками. Термины цитируются те же самые: карнавализация, карнавал, меннипея, меннипова сатира. Однако во Франции под этим термином понимается «смещение стихов и прозы в сатирических целях»², причём жанр для французской литературы редкий: резкий переход от стихов к прозе и обратно после классицистов воспринимался «болезненно».

Р. Р. Вахитов: У них свой Бахтин.

М. С. Рыбина: Да, свой. Так вот есть мнение, что в мире существуют три Бахтина: американский, русский и французский.

А. А. Галлямов: Сергей Данилин бы ещё добавил, что есть канонический.

Р. Р. Вахитов: А есть Бахтин Данилина.

С. С. Шаулов: Ну, это уже ересианство.

М. С. Рыбина: Так вот, что переведено и что цитируется. Наиболее цитируемое у очень цитируемого Бахтина — это «Эстетика и теория романа». Не «Поэтика Достоевского». Французам удалось разделить Бахтина и Достоевского, у них Достоевский отдельно, Бахтин отдельно.

С. С. Шаулов: Оно, может, и правильно, кстати.

М. С. Рыбина: «Проблемы поэтики Достоевского» цитируется, но чаще в работах, не связанных с Достоевским. Приводятся общие положения. А у достоевсковедов есть их любимый А. Жид. Я не могу сказать, как именно дело обстоит во французской достоевистике: это тема специального исследования, а я делала обзор, и объять необъятное невозможно. Но больше цитируют его как философа, не как филолога.

С. С. Шаулов: Во-первых, во Франции не так серьёзно достоевистика развита. То есть если взять по конференциям, я, по сути, знаю одного: Луи

ние. — Уфа: Вагант, 2009. — С. 1—19.

То же: <http://nevmenandr.net/seminarium/01.htm> (Прим. ред.)

¹ Интересно замечание Г. К. Косикова: «Книга о Рабле оказала стимулирующее воздействие не только на отечественную, но и на западную философско-литературоведческую мысль (в меньшей степени на континентальную и в большей — на англосаксонскую)». Косиков Г. К. От «внезаходимости» к «бунту» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1997. — №1(18). — С. 20. (курсив мой — М. Р.)

² Martial Martin, *Satire ménippée* // Dictionnaire des Lettres françaises: XVIe siècle/sous dir. G. Grente — Paris: Fayard et L. G. F., «La Pochothèque», 2001 // <http://www.satyremenippee.fr/>

Аллен такой там был. И, как я вспоминаю, он тоже не больно Бахтина цитирует.

А. А. Галлямов: Есть вполне апокрифическое предание, что чтобы поступить на работу во французскую полицию, нужно прочесть «Преступление и наказание» и сдать по нему экзамен.

Б. В. Орехов: А Бахтина не нужно читать для этого.

М. С. Рыбина: Достоевского они воспринимают как совершенно модернистского писателя.

Р. Р. Вахитов: Это не благодаря Кристевой?

М. С. Рыбина: Нет, это задолго до Кристевой.

С. С. Шаулов: Это благодаря Сартру и Камю.

М. С. Рыбина: Это до них. Это А. Жид, конечно, модернизм 1920-х годов.

С. С. Шаулов. Да. Но это не только французы.

М. С. Рыбина: Это не только французы, это некая западноевропейская точка зрения. Кстати, что произошло с Бахтиным, почему есть французский Бахтин? Видимо, потому что у Бахтина абсолютизировали индивидуалистический порыв к свободе. Кстати, Г. К. Косиков пишет, что у Бахтина есть тенденция к романтически-декадентскому бунту, к утверждению индивидуума, индивидуалиста.

Р. Р. Вахитов: Но это у него не главное всё-таки.

М. С. Рыбина: Я оставлю сейчас проблему того, что у Бахтина главное.

С. С. Шаулов: Я не вижу такой тенденции у Бахтина.

М. С. Рыбина: А взаимоотношения Я и Другого?

С. С. Шаулов: Нет, это не надо сводить к декадентству.

М. С. Рыбина: Я не буду сейчас доказывать верность положения Косикова (тем более в собственной интерпретации), важно сейчас другое, что он это отметил. Для меня Косиков в некотором смысле стал посредником, который выразил «французский взгляд» на Бахтина. А обратили они внимание на то, какой Достоевский индивидуалист, на анализ сознания «человека из Подполья». В этой системе отношений бунт против идеологии, «левацкие» движения, оппозиция по отношению к официозу составляет определённый набор ценностей французской интеллектуальной культуры.

Р. Р. Вахитов: «Бесов» они наверняка по-другому прочитают. И даже такие персонажи, как Верховенский, будут иметь положительные коннотации?

М. С. Рыбина: Для этого надо специально смотреть, что там с «Бесами», потому что французы чаще цитируют «Преступление и наказание», «Братьев Карамазовых». «Бесов» я не помню.

С. С. Шаулов: Кстати, да. В книжке Луи Аллена анализируются все романы, кроме «Бесов».

М. С. Рыбина: Вряд ли «Бесы» будут восприняты во Франции легко. Такое издевательство над либеральной идеей! Это пальба по основным символам французской культуры.

С. С. Шаулов: Поэтому Луи Аллен, скорее всего, и обходит этот роман.

М. С. Рыбина: А вот Лотману было легко транслировать свои мысли французской аудитории. Его работы выходили практически одновременно с отечественным изданием (например, Семантика числа и тип культуры¹ (фр. перевод в *Tel Quel: Science/Littérature* 1968) или Структура художественного текста², это было постоянное общение и, в какой-то степени, один язык. Я имею в виду единую систему понятий. Не было на тот момент идейных различий, тем более, что переводились, как я уже сказала, наиболее «западные» работы, например, «Структура художественного текста» или «Семiosфера» Единственное, что меня заинтриговало: у Лотмана много исследований о французском стихе и его соотношении с русским, о восприятии французской поэтической культуры в России. Но, насколько мне известно, они не переведены.

С. С. Шаулов: Не нужны.

М. С. Рыбина: Тут надо вернуться к Р. Якобсону. Во многих французских источниках говорится о том, что Якобсон полемизировал с Граммоном, и его работа о чешском стихе построена именно как оппозиционная по отношению к Граммону. Да, эта работа упоминается и довольно часто, в том числе и в обзорах. Но в качестве примера приводится разбор «Кошек» Бодлера Якобсоном и Леви-Строссом, который к русскому формализму имеет весьма условное отношение. Опосредованное самим Якобсоном, и все признают, что этот анализ рассматривается именно как структуралистский, а отнюдь не формалистский.

Б. В. Орехов: «Как сделана “Шинель” Гоголя» как-то фигурирует во французских работах?

М. С. Рыбина: Да, «Как сделана “Шинель” Гоголя», естественно, переве-

¹ Лотман Ю. М. Семантика числа и тип культуры // III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Кяэрику, 10—20 мая 1968 г.: Тезисы. — Тарту, 1968. С. 103—109.

² Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.

Lotman J. La Structure du texte artistique, (traduit du russe par Anne Fournier, Bernard Kreise, Ève Malleret et Joëlle Yong, sous la direction d'Henri Meschonnic...). — Paris : Gallimard, 1973.

дена¹ и это одна из наиболее цитируемых работ*. А что с Бахтиным? Тема необъятная и говорить о ней следовало бы отдельно. Позже всех была переведена ранняя работа «К философии поступка» (фр. перевод 2003 года), (к слову, она была самой цитируемой у нас на семинаре)².

Р. Р. Вахитов: То есть наш семинар актуален для французов. (смех)

М. С. Рыбина: Итак, как воспринимается Бахтин**?: Естественно, что в обзорах и антологиях рассматривается проблема хронотопа, но подробно анализируется только время и пространство в античном романе. Уже рыцарский роман скороговоркой. А дальше упоминается, что Бахтин исследует формы хронотопа в произведениях Стендаля, Бальзака и Флобера. Подробнее останавливаются на пространственно-временной организации «романа воспитания» на примере Гёте. Вот Гёте мы рассмотрим подробно — «Вильгельма Мейстера»³; он, разумеется, переведён на французский язык, но, по моим наблюдениям, не самый интегрированный текст во французскую культуру.

* Упоминается она и в обзоре Тадье. Tadié J. Y. Op. cit. P. 21.

** Основные положения Бахтина в суммированном виде Тадье излагает со ссылкой на монографию Ц. Тодорова: «Основным объектом теории советского мыслителя является новая наука о языке/речи (langage); наиболее важный аспект этой теории — “диалогизм”, т.е. интертекстуальность, потому что культура составляет один из компонентов дискурса; роман является жанром, который лучше всего выражает эту “полифонию” и человек, которого он создает, предстаёт существом диалогичным, гетерогенным, в становлении, незавершённым. Поэтика или “транслингвистика” по Бахтину изучает дискурсы, индивидуальные высказывания в их историческом, социальном и культурном окружении, дистанцируясь в равной мере и от “узкого идеологизма” и от “узкого формализма”».

¹ Eikhenbaum B. Comment est fait “le Manteau” de Gogol (1919) / traduit et publié en français par Tzvetan Todorov dans Théorie de la littérature. Textes des Formalistes russes. — Paris: Seuil, 1965. — P. 212—223.

² Bakhtine M. Pour une philosophie de l’acte. — [Б. м.]: L’Âge d’homme, 2003. Работе «Философия поступка» было посвящено третье заседание семинара. См. Третье литературоведение. С. 53—76. (Прим. ред.).

³ «le penseur soviétique a pour objet une nouvelle science du langage; le point le plus important de cette théorie est le “dialogisme”, c’est-à-dire l’intertextualité, parce que la culture est un composé de discours; le roman est le genre qui exprime le mieux cette “polyphonie”, et l’homme qu’il fait apparaître est un être de dialogues, hétérogène, en devenir, inachevé. La poétique ou “translinguistique” selon Bakhtine étudie les discours, énoncés individuels contenus dans les textes dans leur environnement historique, social, culturel, en se maintenant à égale distance d’un “idéologisme étroit” et d’un “formalisme étroit”. Tadié J. Y. Op. cit. — P. 247.

Там больше о Вертере пишут. Сам факт предпочтения античного и просветительского романов в качестве примера бахтинского анализа представляется неслучайным. Это впечатление усиливает комментарий, акцентирующий «универсальность» героя «романа воспитания» и то, что в своем становлении он «репродуцирует» основные исторические формации¹. Невольно возникают ассоциации с «Кандидом». Вольтер, естественно, не упоминается, но Бахтин прочитывается через призму французской традиции. Вот как примерно рецепция происходила, на мой взгляд. И таких ключевых текстов, определивших восприятие Бахтина, несколько.

Б. В. Орехов: Что ещё, кроме «Кандида»?

М. С. Рыбина: Кроме «Кандида», я уже назвала экзистенциализм, и последний пункт — французский структурализм и постструктурализм. Бахтин позиционируется как предшественник группы *Tel Quel*: «Всё, что Юлия Кристева пишет об интертекстуальности — всё это Бахтин»² и дальше приводится определение Бахтина о диалоге. Принцип диалогизма акцентируется всеми французскими исследователями: у Тодорова монография о Бахтине так и называется «Михаил Бахтин: диалогический принцип»³, у Кристевой — «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967)⁴. И дальше, в том, что касается социальных индексов языка, всё это языком Барта изложено, всё что касается интертекстуальности, это всё излагается по работам Кристевой, но акцент переносится на Бахтина. Кристева воспринимается как популяризатор его идей.

Р. Р. Вахитов: Наверное, она сама позиционировала себя так?

М. С. Рыбина: В известном смысле, да. По праву первооткрывателя.

¹ Э. Раву-Ралло приводит в качестве репрезентативного текста Бахтина отрывок из «Эстетики словесного творчества», посвящённый «роману воспитания». *Ravoux Rallo E.* Op. cit. — P. 109 — 110.

² "l'homme se forme en même temps que le monde. Pour la critique, le personnage du roman d'apprentissage <...>représente tous les possibles de l'homme, pris entre la liberté et la nécessité". *Ravoux Rallo E.* Op. cit. — P. 110 "ce que J.Kristeva a repris sous le terme d' «intertextualité»" est de Bakhtine".

Ravoux Rallo E. Op. cit. — P. 111. То же утверждение мы находим у Тадье: «Il <Ph. Sollers. — M. P.> emprunte à Bakhtine le concepte d' intertextualité, que nous reverrons chez Julia Kristeva». «Он <Ф. Соллерс. — М. Р.> заимствует у Бахтина понятие «интертекстуальность», которое мы затем увидим у Юлии Кристевой».

Tadié J. Y. Op. cit. — P. 221, 223.

³ *Todorov, Tz.* Mikhail Bakhtine: le principe dialogique. — Paris: Seuil, 1981.

⁴ *Kristeva, J.,* Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman, *Critique*, 23 (1967), P. 438 — 465.

А. А. Галлямов: Ситуация в какой-то степени напоминает отношение к Л. Гумилёву со стороны филологов и историков. Филологи обожают его исторические экскурсы, говорят, что к филологии это отношения не имеет, историки с точностью до наоборот, говорят, что к истории это отношения не имеет, а вот филологические его труды очень ценны для нас.

Р. Р. Вахитов: Пушкин говорил, что военные думают, что Давыдов хороший поэт, а поэты, что он хороший военный. У меня есть реплика по поводу того что говорилось о русской формалистской школе. Я недавно читал работу Серию, посвящённую восточноевропейскому структурализму, поскольку официальная главная моя тема — евразийство, хотя она не единственная, а Серию — очень большой специалист по Трубецкому, думаю, что во Франции один из немногих. Так вот он и начинает книгу уведомлением, что французы думают, что структурализм возник в 1950-х годах, но на самом деле это не так, структурализм возник гораздо раньше, а сейчас вы услышите имена, про которые не слышали: Трубецкой, Савицкий. Причём он позиционирует евразийцев как структуралистов, которые структурный метод распространили на географию и на другие науки. Это всё очень интересно. И вот когда мы об этом говорили, мы говорили о национальной ментальности, это правда. Но есть ещё и какие-то внешние причины. Я подумал, почему, допустим, не ассоциируется Трубецкой со структурализмом и вообще плохо знают его во Франции. Потому что Франция вообще-то левая страна, и французам гораздо интереснее то, что происходило в СССР, чем то, что происходило в эмиграции. Трубецкой и остальные евразийцы связаны с белым движением и откровенно об этом говорили, а белогвардейцы для француз — это, наверное, какой-то анахронизм. Патриархальная Русь.

М. С. Рыбина: Скорее, патриархальность. Бунтари — да. Настоячиво подчёркивается связь формализма с авангардом, проводится параллель с французскими реформаторами (С. Малларме и, особенно, с П. Валери) для нас не слишком очевидная.

Р. Р. Вахитов: То есть контрреволюционеры воспринимаются негативно во Франции.

М. С. Рыбина: По крайней мере, среди интеллектуалов.

Р. Р. Вахитов: У меня была такая не очень приличная реплика, если можно. Вот когда говорилось о том, что игнорируются работы Лотмана о французской культуре, работы Бахтина о Рабле (боюсь я звукозаписывающего аппарата, потому что благодаря ему это всё потом прозвучит на широкую аудиторию), мне вспомнилось, что я читал в Интернете о том, как один хороший российский феноменолог, который по-немецки читает Гуссерля, знает их традицию, ездил на семинар в Германию и выступал там. Он, как ему показалось, придумал интересную тему, соотнёс с немецкими исследованиями в этой области, но вопросов ему не задавали. И уже потом на фуршете он

понял, почему: его не воспринимали как адекватного исследователя, как исследователя из Германии, а ощущение было такое, что стоит чукча, который ещё и по-немецки говорит, надо же, как удивительно! Всех восхищало, что он чисто говорит по-немецки, что он ещё и Гуссерля читал. Нет ли здесь такого элемента шовинизма, когда литературовед изучает иностранного автора и при этом не может быть воспринят всерьёз? То есть можно ли сказать, что литературоведение, в отличие от физики, от математики, замкнуто в национальных рамках и когда кто-то вмешивается со стороны, это вызывает негативную реакцию?

С. С. Шаулов: Так, наверное, нельзя сказать. Так, может быть, во Франции. Даже в достоевсковедении, где достаточно ревниво относятся к попыткам из-за границы поглядеть на Достоевского, тем не менее, с большим вниманием тут же всё находится, переводится и так далее.

Р. Р. Вахитов: А не связано ли это просто с нашим комплексом перед Западом?

С. С. Шаулов: Нет, во-первых, не только Запад, переводят даже корейцев совершенно иногда глупых.

С. М. Шаулов: Со всемирной отзывчивостью связано.

М. С. Рыбина: А у французской культуры нет этой всемирной отзывчивости.

С. С. Шаулов: Тут прозвучало вскользь, что французское литературоведение запрограммировано классицизмом. То есть Франция, и в том числе французское литературоведение существует в своём собственном гуманитарном космосе, в который они не то что не пускают, в котором просто не очень существует всё остальное. Вот я сколько их читал, делёзов, лиотаров и прочих мы-знаем-кого, у меня всё время было именно это ощущение.

М. С. Рыбина: Всё, что им не удаётся перевести на их язык, т.е. на язык культуры, они просто не замечают. С интересом смотрят как на явление экзотическое, но не воспринимают.

С. С. Шаулов: Потому что у них в сознании всё равно стоит эта иерархическая лестница классицизма. Неважно, куда она устремлена и устремлена ли куда-нибудь, но она жёстко исключает всё, что выходит за её рамки, почему они (показательный очень момент) из книги Бахтина о Рабле берут Гоголя: он не француз, ему можно быть неправильным. Но не берут Рабле.

А. А. Галлямов: Хорошо, что у нас Фонвизин был только один.

С. С. Шаулов: С Фонвизиним всё не так просто, он во-первых, не совсем классицист...

С. М. Шаулов: Ну, то что в России было понято как классицизм, было на самом деле барокко.

Все хором: Барокко! (*всеобщий смех*)

М. С. Рыбина: А какое во Франции барокко чудосочное по сравнению с

другими!

С. С. Шаулов: А во Франции, кроме, там, Скаррона какого-нибудь, есть барокко?

С. М. Шаулов: Там есть прециозные всякие изводы.

С. С. Шаулов: Но это прециозное не совсем барокко.

С. М. Шаулов: Не совсем.

С. С. Шаулов: Барокко-рококо, адаптированное под классицизм.

М. С. Рыбина: А что смогло выжить.

Р. Р. Вахитов: Может быть, дело не в национальном шовинизме, а, как в случае с тем же российским феноменологом, это просто разные гуманитарные вселенные. Немцам интересно, что говорит русский феноменолог, но он говорит о другом.

С. С. Шаулов: Дело в базовом культурном коде.

Р. Р. Вахитов: Но тогда возникает вопрос, а возможен ли вообще диалог, допустим, французского и русского литературоведения.

С. М. Шаулов: К нему надо стремиться.

М. С. Рыбина: Так возможен же.

Р. Р. Вахитов: Я очень благодарен Маше, я очень много нового для себя открыл, и даже какие-то перспективы исследования у меня возникли (российские исследователи евразийства и зарубежные — у них тоже разные взгляды), но я так понял, что даже перевод тут не спасает, потому что перевод-то есть, а понимается всё совершенно иначе.

Б. В. Орехов: Текст включён в другой контекст, конечно.

С. С. Шаулов: И очень возможно, что в переводе Достоевский становится индивидуалистом.

Р. Р. Вахитов: Для нас это дико, потому что для нас это совершенно противоположно. А, наверное, наша позиция кажется французским литературоведам очень странной.

С. С. Шаулов: Мне в этой связи было интересно сравнить восприятие Бальзака в России и восприятие Бальзака во Франции. Мы его воспринимаем вслед (никуда от Достоевского не деться) за Достоевским как великого нравописателя.

М. С. Рыбина: Если воспринимаем. Бальзак в России — одна из тех фигур, которые всем известны, но под определённым углом зрения и больше «по имени». Восприятие Бальзака в России — это действительно проблема.

С. С. Шаулов: В XIX веке, начиная с 1830-х по 1860-е — это один из известнейших и переводившихся писателей.

М. С. Рыбина: Я и не возражаю. Имя — известно. Я могу сказать, что было переведено на тот момент. «Гобсек», «Отец Горю», «Шагреновая кожа», «Утраченные иллюзии» (кстати, роман «Блеск и нищета куртизанок» был переведён позже)¹ — то есть тот набор...

С. С. Шаулов: Я могу оспорить это утверждение Зверева. А с какой стати его переводили без надежды на публикацию те же Достоевский, Григорович? В 1840-е уже годы.

М. С. Рыбина: У Бальзака не переведены ключевые для французов вещи: повесть «Изгнанники», она апеллирует к Данте и обозначает архитектонику «Человеческой комедии», конструкцию готического собора, потому что принцип готического собора у Бальзака был в основе. Отсюда и спор с В. Гюго по поводу «Нотр-Дам» и средневековой культуры.

С. С. Шаулов: Нам непонятен принцип готического собора.

Р. Р. Вахитов: У нас нет своих готических соборов.

С. С. Шаулов: Это как раз я и имел в виду: ключевые тексты для русской и французской культуры будут разные. Для русской культуры — это буквально несколько романов. Это «Шагреновая кожа», «Утраченные иллюзии»...

М. С. Рыбина: «Шагреновая кожа» в меньшей степени. «Отец Горио» и «Гобсек». «Утраченные иллюзии» стали мировой темой. У нас практически неизвестна новеллистика Бальзака. Она переведена, но переведена уже в советские времена. Бальзак, в отечественной культуре, писатель, о котором все знают, и даже тексты читают, но отношение к ним дистанцированное.

А. А. Галлямов: Тогда можно сопоставить Англию и Диккенса.

М. С. Рыбина: Бальзак не то, что Диккенс, кстати.

А. А. Галлямов: Бальзак известен в России, а почему в Японии, где совершенно другая культура, Чехов получил популярность?

¹ Зверев А. М. Неведомый Бальзак (Рец. на кн.: Бальзак Оноре де. Случай из времен террора <...>. М., 2000) // Новое лит. обозрение. — 2001. — №52. — С. 373—377.

